

Глава 12

Сегодня Юнь Байя, захлебываясь слезами, жаловалась ему на свои обиды. Сяо Цзяхуэй шел домой, твердо решив при первом же удобном случае проучить этого негодяя Шэнь Юя и выпустить пар.

Он и представить не мог, что еще на подходе к дому услышит имя своей возлюбленной из уст местных кумушек и стариков, коротающих время за сплетнями. Юноша сначала подумал, что ослышался, но, затаив дыхание, прислушался — и новости привели его в неопишумую ярость.

Влетев в квартиру, точно охваченный пламенем гнева, он жаждал немедленной расправы над бесчестным лицемером.

Шэнь Юй же принял такой вид, будто готов был разрыдаться прямо на месте. Глядя на разъяренного «главного героя», он принялся со всей серьезностью объяснять:

— Братец Цзяхуэй, как ты можешь так заблуждаться на мой счет? Да, я действительно прыгнул в реку, чтобы спасти товарища Юнь Байя, и даже заработал из-за этого тяжелую лихорадку... Но я клянусь, я ни единым словом не обмолвился об этом посторонним.

Технически это было чистой правдой: он рассказал всё только семье Сяо.

«А значит, парень, если и хочешь метать громы и молнии, — усмехнулся он про себя, — то выбирай цель правильно»

— Не смей называть меня братом! — Сяо Цзяхуэй окончательно потерял голову от злости. — Ты кто такой, чтобы так ко мне обращаться? Если бы не ты и твоя банда хулиганов, разве она упала бы в воду? А теперь строишь из себя благодетеля? Да есть ли у тебя совесть?!

— Цзяхуэй!

— Байя?..

Пять голосов слились в единый нестройный аккорд. Первыми вскрикнули мужчины семьи Сяо. Они планировали извлечь выгоду из «подвига» Шэнь Юя, а потому не могли позволить юноше клеймить того как хулигана и виновника несчастья.

Женская же половина дома, в отличие от мужчин, мгновенно уцепилась за информацию, которую Цзяхуэй в запале выболтал.

Старуха Сяо, обладавшая на редкость вспыльчивым нравом, тут же запричитала:

— Ох, Цзяхуэй, послушай бабу! Эта девка Юнь — совсем непутевая! Раз уж её Шэнь Юй на руках из воды тащил, репутация её погублена. Не нужна нашей семье такая невестка!

Внук, и без того раздосадованный своей оговоркой, хотел было как-то выкрутиться, но услышав, как бабушка поносит его любимую, да еще и рассуждает о женитьбе, вспыхнул до корней волос. В душе он оставался неискушенным подростком, а потому принялся рьяно защищать чистоту дорогой ему девушки:

— Бабушка, всё совсем не так! Байя... товарищ Юнь — чудесная девушка, очень добрая и нежная. Не слушай ты рассказы Шэнь Юя. Разве от такого, как он, дождешься правды? Он просто не выносит, когда у других всё хорошо!

Лян Фэнся лишь скептически поджала губы. Сяо Цзясинь застыла с неопределенным выражением лица: она то довольно улыбалась, то хмурилась, явно обдумывая какие-то свои мысли.

Старик Сяо и Сяо Цзяньшэ обменялись многозначительными взглядами. Между отцом и сыном мгновенно установилось молчаливое понимание. Если Цзяхуэй сумеет жениться на дочери директора завода, это будет куда более надежной опорой для семьи, чем сомнительный статус «спасителя», которым обладал Шэнь Юй.

Глава семьи заговорил первым. К своему старшему внуку, бывшему его главной гордостью, он всегда относился с необычайной мягкостью:

— Цзяхуэй, присядь. Дед хочет с тобой поговорить.

Тот, глубоко уважавший деда, послушно придвинул табурет и сел, напоследок метнув в сторону Шэнь Юя полный ненависти взгляд.

— Дедушка верит тебе. Раз ты говоришь, что товарищ Юнь — хорошая девушка, значит, она действительно выдающаяся личность.

— Да её же Шэнь... — начала было старуха Сяо.

— Помолчи! — резко оборвал её старик и продолжил: — В нынешние времена всё не так, как было в нашей молодости. Если у тебя с этой девушкой добрые отношения, дедушка тебя только поддержит.

— Спасибо, дедушка! Байя действительно необыкновенная. Вот увидишь, когда я приведу её познакомиться, ты сам всё поймешь! — Глаза Цзяхуэя сияли от восторга. Он всегда знал, что дед — самый рассудительный человек в семье. Ему не терпелось поскорее сообщить эту радостную весть любимой.

Старик Сяо примирительно махнул рукой:

— Не спеши, давай сначала обсудим дела насущные. Послушай деда, Цзяхуэй: если ты хочешь и дальше ладить с дочкой директора Юнь, тебе ни в коем случае нельзя так отзываться о Шэнь Юе.

— Но почему? — возмущился юноша. — Дедушка, вы не представляете, какой он негодяй! Шляется с отребьем, обижает девушек...

— Это сама товарищ Юнь тебе так сказала? — перебил его старик.

Цзяхуэй на мгновение замолчал, а затем глухо выдавил:

— Нет.

«Но это наверняка так! — злился он. — Шэнь Юй — такая же дрянь, как и его мать, в голове одни пакости. Разве он способен на что-то хорошее?»

— Её преследовали хулиганы, она упала в реку, а Шэнь Юй прыгнул следом и вытащил её. Всё верно?

— Байя сказала... что не разглядела тех парней. Заметила только Шэнь Юя, — нехотя ответил Цзяхуэй.

Глаза деда блеснули. «Ясно, девчонка хочет уйти от долга. Хорошо, что я велел старухе разнести вести заранее».

Что же касается того, мог ли парень действительно быть заодно с хулиганами... Старик был уверен, что его опыт не подводит. Даже если оставить в стороне вопрос о том, хватило бы тому смелости на подобное, настоящие бандиты и на порог бы не пустили такого труса.

— Значит, факт спасения товарища Юнь остается неоспоримым.

Тот жестом пресек попытку внука возразить:

— Не горячись. Дед тебя спросит: если ты планируешь строить будущее с дочерью директора, кем тебе выгоднее его представить? Братом-хулиганом, который её обижал, или братом-героем, который спас ей жизнь? Как по-твоему, в каком из этих случаев её родители посмотрят на тебя благосклоннее?

И неважно, что Шэнь Юй не носит фамилию Сяо — он живет в этом доме и вписан в их

домовую книгу.

Цзяхуэй замер. Спустя долгое время он медленно повернул голову, мазнул взглядом по Шэнь Юю и тут же отвернулся. Он не был глупцом и прекрасно понял намек деда. Если он станет встречаться с Байя, а её родители узнают, что его сводный брат — бандит, да еще и напал на их дочь, они ни за что не благословят этот союз.

Цзяхуэй заколебался. Он понимал, что его семья по положению уступает семье Байя, но верил, что в будущем обеспечит ей достойную жизнь. Но сейчас он — лишь обычный школьник. И если за его спиной будет маячить тень брата-хулигана, есть ли у них шанс?

«Всё из-за этого Шэнь Юя!»

Юноша стиснул зубы. Чувство вины перед Байя в его сердце начало медленно перерастать в глухую неприязнь к Шэнь Юю. Было бы лучше, если бы его не существовало вовсе. Он ведь даже не Сяо по крови, с какой стати ему околачиваться здесь?

Однако слова деда были логичны. Сейчас оставалось только одно — признать, что именно Шэнь Юй спас Юнь Байя. Только так семья Юнь не сможет использовать этот инцидент как повод, чтобы разлучить их.

Уяснив это, Сяо Цзяхуэй заметно успокоился:

— Дедушка, я понял. Я сделаю так, как вы скажете.

— Вот это мой славный внук! — Старик Сяо довольно кивнул. Он всегда знал, что его первенец — мальчик разумный и многообещающий.

Пожилой мужчина не побоялся говорить об этих интригах при всей семье, и на то были свои причины. Старухе Сяо, которая вечно всё путала, нужно было разжевать ситуацию, чтобы она, пытаясь досадить Шэнь Юю, не натворила глупостей. Сяо Цзяньшэ и Сяо Цзясинь были плотью от плоти семьи Сяо и, конечно, не стали бы мешать.

Что до Лян Фэнся — она была женщиной хитрой. Она обкрадывала пасынков, чтобы пристроить своего родного сына, но Сяо Цзяяо тоже был продолжением рода Сяо. Если бы она пеклась о Шэнь Юе, старик бы давно поставил её на место. Но именно благодаря своей житейской сметливости она понимала: то, что выгодно всей семье Сяо, выгодно и ей. Чем богаче будет дом, тем больше ресурсов достанется её младшему сыну, на которого она возлагала надежды в старости.

А в том, что касается самого Шэнь Юя... Старик и представить не мог, что парень окажется достаточно безумен, чтобы разболтать правду. К тому же — он просто не посмеет.

Глава семейства свято верил, что все домочадцы находятся под его полным контролем, а потому без тени сомнения давал уроки жизни своему старшему внуку.

Вынужденное признание того факта, что Шэнь Юй — спаситель его возлюбленной, далось Цзяхуэю нелегко. Вечером он едва притронулся к еде, подхватил сумку и скрылся в своей комнате. Сяо Цзясинь, схватив обновки брата, бросилась следом, стора от любопытства:

— Брат, ты правда встречаешься с дочкой директора? Брат, подожди меня!..

Лян Фэнся, убирая со стола, мрачнела с каждой секундой.

Она костила их в душе на чем свет стоит.

«Ну и семейка... Купила им новые вещи, а в ответ ни единого доброго слова. Оба — волки неблагодарные!»

Не имея возможности выплеснуть гнев вслух, она с грохотом поставила таз с грязной посудой на стол:

— Шэнь!..

— Дедушка! — звонко окликнул Шэнь Юй, привлекая внимание старика. Расплывшись в почтительной улыбке, он заботливо произнес: — Я сейчас согрею вам воды, попарите ноги перед сном, чтобы усталость снять.

Старик Сяо удовлетворенно кивнул:

— Славный ты парень, иди. Только осторожнее там, не обварись.

— Слушаюсь! — громко отозвался юноша и, подхватив пустой чайник, выскочил за водой.

Если бы он замешкался хоть на секунду, Лян Фэнся непременно заставила бы его мыть гору посуды.

В самом мытье тарелок не было ничего страшного — ужин в семье Сяо был до того постным, что посуда отмывалась мгновенно. Но старуха Сяо была патологически скупа, да и Лян Фэнся не собиралась его защищать: мыть посуду в этом доме полагалось исключительно ледяной водой.

В эту пору ночи уже дышали холодом. У прежнего владельца тела руки каждую зиму покрывались болезненными цыпками именно потому, что ему приходилось стирать и мыть всё

в студеной воде.

Шэнь Юй не собирался повторять эту печальную судьбу. Он твердо решил заняться своим здоровьем: ему нужно было вырасти и окрепнуть, а не страдать от обморожений!

Используя заботу о ногах деда как безупречное прикрытие, юноша не только избежал грязной работы, но и раздобыл немного горячей воды для собственного умывания. В доме Сяо было всего два термоса — по одному на каждую спальню. Днем их наполняли кипятком, а вечером забирали в комнаты для личных нужд хозяев. Шэнь Юю же, по общему убеждению, вполне хватало и холодной воды.

Именно в этом крылась причина неопрятности прежнего Шэнь Юя. Летом, когда работа по дому заставляла его обливаться потом, условий для нормального мытья просто не было. Зимой же отсутствие горячей воды заставляло его обходиться минимумом. Так, день за днем, формировались его привычки.

Нынешний Шэнь Юй решил пойти иным путем. На то время, что ему суждено было провести в этом доме, он назначил себя самым преданным и сыновним внуком на свете. Каждый вечер он будет согревать воду для деда. В конце концов, разжечь плиту и набрать чайник воды — дело нехитрое.

Когда юноша вернулся с кипящим чайником, старуха Сяо уже приготовила таз. Работа по непосредственному обслуживанию ног «императора» Шэнь Юю не полагалась. Старая женщина, несмотря на весь свой склочный характер, перед мужем вела себя как покорная жена: сама подливала воду, когда та остывала, и подавала полотенце.

Шэнь Юй поставил чайник и с чувством выполненного долга удалился. В глубине души он невольно задумался: встретит ли он когда-нибудь своего человека? Чтобы не прислуживать, а вот так же, душа в душу, вместе греть ноги зимними вечерами...

Когда он взобрался в свою каморку под потолком, ледяная постель заставила его вздрогнуть. Обида на несправедливость жизни вспыхнула с новой силой.

«Эх, сейчас бы кого-нибудь под бок, чтобы одеяло согреть...»

Но мечтать было нельзя — от этого становилось только горше. Шэнь Юй закрыл глаза и провалился в сон. И приснилось ему, будто нашел он того самого идеального спутника. Тот был к нему необычайно добр, и когда во сне Шэнь Юй пожаловался на холод, этот мужчина, лица которого не было видно, бережно обнял его ступни своими ладонями, согревая их своим теплом.

Во сне Шэнь Юй улыбался как последний дурак, да так и проснулся от собственного тихого смеха.

Открыл глаза — и сказка растаяла. Никакого мужчины, никакого тепла.

Шэнь Юй издал тихий стон, полный такой скорби, словно потерял целое состояние. Но тут же деревянная лестница, приставленная к его нарам, заходила ходуном от ударов. Голос старухи Сяо, резкий, как крик петуха на рассвете, ворвался в его убежище:

— Который час, а он всё дрыхнет! Где это видано, чтобы такая ленивая скотина заставляла старуху вокруг себя прыгать!..

Юноша спокойно натянул одеяло на голову, дожидаясь, пока уляжется пыль, стряхнутая со стропил. Затем он оделся, спустился вниз и, умывшись, привычными движениями принялся греть воду и расставлять посуду.

Если бы старуха Сяо не боялась, что он съест лишний кусок, готовку тоже давно бы переложили на его плечи.

К тому времени, как он закончил приготовления, трое детей семьи Сяо, сладко зевая, лениво выползли из своих комнат.

После скудного завтрака старуха Сяо вручила Цзяхуэю и Цзясинь их обеденные коробки. В каждой лежало по две маньтоу и немного солений. В школьной столовой за один фэнь их подогреют к полудню.

Раньше у Шэнь Юя была старая коробка, доставшаяся «по наследству» от Цзяхуэя, но вчера она вместе с сумкой осталась на дне реки, в объятиях водорослей. Те книги, что лежали сейчас в его самодельной суме, старик Сяо лично одолжил у соседей.

Сегодня у парня не было коробки для еды, но об этом никто и не вспомнил. Бабка просто сунула ему две маньтоу. Когда она лепила их, то специально сделала поменьше — они вышли едва ли не вполовину меньше тех, что достались Цзяхуэю.

<http://bllate.org/book/15805/1423487>